

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Обзорная статья / Review article

Феномен советскости в отечественной историографической традиции

Игорь Орлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

✉ IOrlov@hse.ru

Аннотация: Автор предлагает новый историографический подход, в основе которого лежит выделение существенных линий историографического раскола без деления работ по дисциплинарному принципу. Очередной историографический поворот в изучении феномена советскости автор связывает с расширением источниковой базы и прежде всего с обращением к массовым источникам личного происхождения, в частности, письмам во власть, которые в силу представительства разных социальных групп позволяют уточнить процесс утверждения новых советских ценностей и, соответственно, существующие историографические выводы, а также верифицировать теоретические и методологические основания современных исследований. Анализ показал, что при всем многообразии теоретических и методологических подходов наиболее перспективной представляется идея двойственной природы феномена советского и обращение к «большим смыслам». А массовые источники способствуют переходу от изучения абстрактного советского человека к исследованию «homo soveticus» во всем многообразии его жизнедеятельности на разных этапах истории.

Ключевые слова: советская повседневность, ностальгия, письма во власть, надэтничность, историографические расколы

Для цитирования: Орлов И. Феномен советскости в отечественной историографической традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Phenomenon of Sovietness in Russian Historiographical Tradition

Igor Orlov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

✉ IOrlov@hse.ru

Abstract: The author proposes a new historiographic approach which is based on the identification of the essential lines of the historiographic split without dividing the works according to the disciplinary principle. The author connects another historiographic turn in the study of the phenomenon of Sovietness with the expansion of the source base and, above all, with the appeal to mass personal sources, in particular, letters to the authorities, which, due to the representation of different social groups, make it possible to clarify the process of establishing new Soviet values and, accordingly, existing historiographic conclusions, as well as to verify the theoretical and methodological foundations of modern research. The analysis showed that with all the variety of theoretical and methodological approaches, the idea of the dual nature of the phenomenon of Sovietness and the appeal to “greater mean-

ings” seems to be the most promising one, and mass sources contribute to the transition from the study of the abstract Soviet man to the study of “homo soveticus” in all the diversity of his life at different stages of history.

Keywords: Soviet everyday life, nostalgia, letters to power, supra-ethnicity, historiographical splits

For citation: Orlov, Igor. “Phenomenon of Sovietness in Russian Historiographical Tradition.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Введение

Уже с конца 1990-х гг. очевидно вовлечение различных слоев российского социума в «процесс масштабной рефлексии по поводу советского прошлого»¹. Устойчивые настроения ностальгии по советскому периоду фиксировали многочисленные социологические опросы. Советская тематика заполняла ценностный вакуум ранней постсоветской эпохи, не породившей ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений².

С этих позиций современность можно рассматривать, во-первых, как период конструктивной дискуссии ученых различных направлений. Во-вторых, как отражение ностальгии по советскости в проектах, активно использующих советскую символику или предпринимающих попытки реконструкции советской истории. Сегодня советская семиосфера распространяется не только на мемориальные и архитектурные комплексы, но и на знаки топонимии. Уникальная информация о «советском колорите» питейных заведений (ленинградской рюмочной, тбилисской хинкальной, одесской бodega, московском пивбаре и пр.) систематизирована М.Ю. Тимофеевым³. В-третьих, как опыт эмоционального обсуждения проблем советской истории в российской блогосфере, которая (включая «народные музеи»⁴) стала одной из площадок трансляции образов советского прошлого.

Сегодня мы наблюдаем актуализацию социального заказа на советскость со стороны власти, бизнеса, населения и научно-экспертного сообщества. По заключению А. Юрчака, особенностью ностальгических настроений последних лет стало снижение уровня этатизма при нарастании «тоски по смыслам»⁵. Возможно именно «тоска по смыслам» стимулирует сохраняющийся до наших дней интерес к феномену советскости. Если для середины 2000-х гг. утверждение Н.Н. Козловой, что мы «знаем о советском обществе непростительно мало»⁶, в целом адекватно отражало состояние историографии, то за прошедшие годы были накоплены обширная источниковая база, опыт описания и интерпретации советской действительности. Но сегодня в силу плюрализма идеологических взглядов, политических пристрастий и научных подходов отсутствуют ее устоявшиеся оценки. Целью краткого экскурса в обширную постсоветскую историографию (1991–2021 гг.) является не только фиксация результатов исследований. Проблему данного исследования можно

¹ Смолина Н.С. Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности на постсоветском пространстве // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 155.

² Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 13.

³ Тимофеев М.Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Ч. I. Артефакты // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 62.

⁴ Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111; Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 45.

⁶ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 472.

сформулировать как выявление точек раскола и соприкосновения в работах представителей разных отраслей знания и формулирование на этой основе собственной историографической схемы. Существующие историографические обзоры⁷ помогли выделить основные предметные поля и базовый вектор исследований феномена «советскости». Особо следует отметить те обзоры, в которых анализируются работы с использованием эго-документов, источников личного происхождения и информационно-аналитических материалов контролирующих органов власти⁸. В свою очередь, для подтверждения той или иной исследовательской парадигмы выбирались или пионерные работы или труды, в концентрированном виде освещающие выбранный ракурс.

Историография проблемы: общие подходы к рефлексии

Отсутствие консенсуса по ключевым вопросам, на первый взгляд, делает все попытки историографического подведения итогов малопродуктивными. Но это не снижает значимость подведения промежуточных итогов изучения темы. Например, Е.Ю. Зубкова, наряду с контекстуальным, методологическим и терминологическим разнообразием, обратила внимание не только на двойственность советскости (идентификационного маркера и инструмента построения системы координат жизнедеятельности социума), но и на актуальные предметные поля: место советского в повседневности; хронотоп советского; советскость как сочетание коридора возможностей и ограничительных рамок; поколенческое измерение советскости; советские символы, ритуалы и практики⁹.

Очевидно, что путь к пониманию советскости сегодня лежит через историческую реконструкцию разных аспектов советской истории, а не через «моделирование» абстрактного человека в широком диапазоне от «совка» до «строителя коммунизма». Хотя практически по всем вопросам, связанным с термином «советскость», на сегодняшний день нет общепризнанного мнения, некоторые положения разделяются значительной частью исследователей:

- во-первых, представление категории «советскость» как социокультурной идентичности (советский человек)¹⁰ или надэтнической общности (советский народ)¹¹;
- во-вторых, признание «*homo soveticus*» продуктом идеологического воздействия и результатом социального проектирования путем получения образования, включения в общественную жизнь и внедрения новых бытовых практик и форм досуга¹²;

⁷ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 882–890. <https://doi.org/10.31857/S0869587320090091>; Матвеева Ю.В. Введение // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург, 2021. С. 11–17; Поршинева О.В. Формирование «человека советского»: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900–1930-е годы) // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург, 2021. С. 32–49.

⁸ Поршинева О.С. Сознание и поведение человека в постреволюционную эпоху: этапы, характер, результаты трансформации. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. Ч. 2. С. 207–237.

⁹ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь... С. 882–886.

¹⁰ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 194, 397.

¹¹ Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.

¹² Мазур Л.Н. «Человек советский» как результат социального инжиниринга // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 182; Поршинева О.С. «Новый человек» как феномен советского проекта индустриального развития (1920 – нач. 30-х гг.) // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф.

– в-третьих, рассмотрение советскости в контексте советской повседневности, в том числе в виде символов (включая мир моды и вещей)¹³ и разнообразных практик – ритуальных¹⁴, потребительских¹⁵, досуговых¹⁶ и других;

– в-четвертых, констатация наличия весьма тонкой грани между советской и постсоветской реальностью, что демонстрирует, в частности, анализ советских и постсоветских институтов¹⁷;

– в-пятых, создание широкого и разнообразного набора «маркеров» советского образа жизни: материальных (авоська, граненый стакан, кофейный напиток «Народный», цистерна с квасом, пионерский галстук и т.п.), социально-экономических (дефицит, займы, лимитчики, коммуналка и пр.), коммуникационных (слухи, очереди, турпоходы, поездки «на картошку» и т. д.), культурно-мировоззренческих («самая читающая страна», первый полет в космос, победа над фашизмом и т. п.)¹⁸. Контент-анализ номеров журнала «Мурзилка» за 1927–1928 гг. и 1930–1932 гг. позволил О.В. Рыжковой выделить 960 «интегральных» (текстовых и визуальных) символов и 165 визуальных маркеров советскости, признаком которой она считает противопоставление советского канона всему «чуждому» или «чуждому» (как досоветскому, так и западному)¹⁹;

– в-шестых, идентификация советского со временем существования и с территорией СССР, с поправкой, что для довоенного и послевоенного периодов данный феномен имеет существенные различия и, прежде всего, поколенческие²⁰. Выявленный в источниках факт непосредственного влияния на процесс воспитания «настоящих» советских граждан государственных структур позволяет также говорить о зависимости феномена советскости от трансформации коммунистического режима²¹.

Распространено мнение, что советскость превратилась в устойчивую норму к середине 1950-х гг.²², а начальный этап формирования советского человека пришелся на конец 1920-х – 1930-е гг., что связывается с социализацией и сменой первых советских поколений²³. Анализ процесса формирования советскости с помощью школьных букварей 1927–1932 гг. выявил возрастание в них постраничной «дози-

Екатеринбург, 2019. С. 235, 236; *Чернявская Ю.В.* На rendez-vous с эпохой: советский интеллигент в поисках идентичности // *Человек*. 2007. № 5. С. 29.

¹³ *Гурова О.Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008; *Журавлев С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М., 2013.

¹⁴ *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998; *Лисина Е.А.* Ритуал в пост-традиции: на примере советской концепции обрядности // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017. Т. 6. № 1А. С. 215–220.

¹⁵ *Иванова А.С.* Магазины «Берзка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017.

¹⁶ *Ловелл С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование // *Антропологический форум*. 2005. № 2. С. 136–173.

¹⁷ *Пивоваров Ю.С.* «...И в развалинах век» // *Полис*. 2011. № 6. С. 52–77.

¹⁸ *Губогло М.Н.* Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте // *Вестник антропологии*. 2017. № 3 (39). С. 8, 10, 12, 17, 20; *Сделано в СССР: символы советской эпохи*. М., 2013 и др.

¹⁹ *Рыжкова О.В.* Визуальные образы «советскости» в детском журнале «Мурзилка» 1920–1930-х годов // *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 99–100.

²⁰ *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. М., 2005. С. 21.

²¹ *Килин А.П.* «Homo economicus» & «homo soveticus»: практики экономического поведения советского человека // *Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур*. Екатеринбург, 2019. С. 268; *Поршинева О.С.* Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации*: сб. ст. / под ред. Л.Н. Мазур, О.В. Горбачева. Екатеринбург, 2018. С. 374, 380.

²² *Пивоваров Ю.С.* «...И в развалинах век»... С. 61; *Зубкова Е.Ю.* Советская жизнь... С. 887.

²³ *Сомов В.А.* Феномен советскости... С. 18, 19; *Мазур Л.Н.* «Человек советский»... С. 187.

ровки» советскости²⁴. Увеличение интегрального (в 3,7 раза) и визуального (в 2 раза) индексов «советскости» демонстрируют и итоги контент-анализа материалов журнала «Мурзилка этих лет»²⁵. Важную роль в формировании советских ценностей у подрастающего поколения играли игрушки (например, неваляшка, символизирующая способность советского человека подниматься после любой неудачи), а также пионерские лагеря²⁶.

В период сталинской индустриализации одним из каналов конструирования «нового советского человека» становится фабрично-заводская газета, на страницах которой публиковались биографии «истинно социалистических рабочих» с фотографиями и кратким описанием достижений²⁷. Анализ советской фильмографии, предпринятый Л.Н. Мазур, подтверждает общий тренд советизации российского социума. В фильмах первой половины 1930-х гг. доминируют сюжеты классовой борьбы и постепенного превращения крестьян в новый класс колхозников под руководством носителей классового сознания, приобщенных к марксизму и вовлеченных в социалистическое строительство. А в кинематографе второй половины десятилетия транслируется советский миф, в котором советское предстает как общество свободы, равенства и братства, вертикальной мобильности в категорию «лучших» представителей советского народа²⁸.

Официальные документы при их информационной насыщенности в большей степени демонстрируют то, как власти разного уровня представляют или хотели бы видеть образ «настоящего советского человека» (наглядный пример – сводки партийных государственных органов, «Моральный кодекс строителя коммунизма» или «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны»). В то же время документы личного происхождения (особенно массовые) позволяют уловить то, что сами граждане вкладывали в содержание советскости, так как они не только подвергались целенаправленному воздействию, но сами участвовали в реализации советского проекта. В частности, контент-анализ писем во власть²⁹ свидетельствует, что в 1928–1935 гг. в них чаще всего прилагательное «советское» использовалось с существительными «власть», «государство» и «учреждения», то есть связывалось с институтами новой государственности. Значительно реже сами корреспонденты идентифицировались с этими институтами. Но с середины 1930-х гг. употребление категории «советское» значительно расширяется, охватывая не только институты (науку, юстицию, разведку и пр.), но и различные социальные группы (интеллигенцию и тружеников, молодежь и детей, ученых и летчиков, учителей и школьников). Феномен советскости получает территориальное измерение (страна, земля, родина) и распространяется на проживающее на этой территории население (народ, граждане). Признаком новой государственности становятся «советские порядки», а нового человека – «советская позиция».

²⁴ Рожков А.Ю. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1927–1932 гг.: контент, структура, динамика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. Вып. 45. С. 58, 61.

²⁵ Рыжкова О.В. Визуальные образы «советскости»... С. 99–100.

²⁶ Губогло М.Н. Концепт «советскости»... С. 11.

²⁷ Солощенко Н.В. Конструирование «нового рабочего» в годы первых пятилеток (контент-анализ материалов фабричных многотиражек) // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 95,97.

²⁸ Мазур Л.Н. Социальные трансформации в отражении советского кинематографа 1917–1930-х гг. // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 372, 374, 377.

²⁹ Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002.

Выходом из сложившейся историографической ситуации может стать выделение основных (определяющих исследовательский мейнстрим) линий историографического раскола без деления большого массива работ по дисциплинарному принципу, которое непродуктивно в силу междисциплинарного характера категории «советскость».

Сложившееся и в современной историографии совмещение в феномене советскости разных смыслов («советский образ жизни», «советский человек», «советское общество», «совок» и др.) актуализировало поиски ответа на вопрос о способах «сосуществования» столь богатого смыслового контента. Условно все объяснительные модели сущности советскости можно разделить на три группы:

- 1) через действительные или конструируемые противоположности (несоветскость, постсоветскость, человечность);
- 2) методом кажущейся синонимичности (социализм, совковость, русскость);
- 3) путем «вписывания» основных черт советского в определенные смысловые конструкты (цивилизация, наднациональная идентичность, набор ценностей/антиценностей, особый культурный код, специфическая модель поведения).

Рассмотрим подробнее данные подходы.

«Единство и борьба противоположностей»

1. *Советскость vs несоветскость*. Все попытки понять «советскость» через ее противоположность (несоветскость) вызывают вопросы к критериям такого сравнения. Если для советской историографии характерным было противопоставление социалистического и буржуазного образа жизни, то сегодня сведение несоветскости к буржуазности некорректно. Мало что проясняет в феномене «советскости» и ее противопоставление антисоветскости.

2. *Советскость vs постсоветскость*. Современная семиосфера советскости имеет два основания (ностальгию по советскому прошлому и постмодернистскую игру с советскими символами) и, соответственно, два уровня – реликты советской эпохи и симулякры советской реальности³⁰. Поэтому в силу взаимопроникновения советского и постсоветского пространств невозможно их точно разграничить.

3. *Советскость vs человечность*. У самых жестких критиков советского прошлого³¹ негативные оценки во многом связаны с рассмотрением советского человека как идеально-типической конструкции. Другое дело, если рассматривать его не как оторванную от жизни абстракцию, а как продукт исторического развития во всем его многообразии.

«Мнимые синонимы»

1. *Советскость как социализм/коммунизм*. Если одни авторы используют советское в «качестве синонима социалистического общества»³², то их оппоненты разводят эти феномены, исходя из нетождественности понятий «советский чело-

³⁰ Тимофеев М. Знаки «советскости» в современной России: семантика, синтактика и прагматика // Михаил Юрьевич Тимофеев. URL: <http://timland.narod.ru/nation/sovietica.htm> (дата обращения: 01.04.2022).

³¹ См., например, выступление М.В. Раца: Междисциплинарный семинар под руководством Л.А. Гордона «Советский Союз и советское общество – что это было?» (идеи и материалы к разработке концепции Музея СССР) // Сахаровский центр. URL: <https://old.sakharov-center.ru/projects/ussr-museum/seminar11.htm> (дата обращения: 12.02.2022). (Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.)

³² Скоробогачкая Н.А., Скоробогачкий В.В. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 34. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>

век» и «коммунист»³³. В этом плане любопытно наблюдение: в советской традиции Родина всегда советская, а Отечество – социалистическое. Чаще всего в единый конструкт сплавлялись советскость и партийность.

2. *Советскость как совковость*. Так как образ «совка» достаточно широко представлен в литературе, не будем на этом останавливаться. Гораздо интереснее посмотреть на аргументацию противников сведения советского к совковости. Для них советскость связывается с лучшими чертами советского образа жизни – равенством в доходах, всеобщим бесплатным образованием и бесплатной медициной, заботой о детях и стариках и т. п. Тогда как совковость выражается в уравниловке и лицемерии, идеологическом давлении и «телефонном праве», блате и черно-белом видении мира. Как мы видим, речь идет о разных наборах характеристик советской действительности в духе антиномий Канта.

3. *Советскость как русскость*. Попытки отождествления русскости и советскости предпринимаются преимущественно в антисоветском контексте, нередко замешанном на русофобии. С одной стороны, для отождествления есть основания, так как в Советском Союзе признаком советского человека считалось свободное владение русским языком и приобщение к русской культуре³⁴. Этим, видимо, объясняется восприятие иностранцами в качестве русских всех туристов из СССР. С другой стороны, советскость была окончательно приравнена к русскости только после Великой Отечественной войны. В период Великой Отечественной войны произошло начатое накануне массовое возвращение персонажей русской истории (учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова) и символов (погон, воинского звания генералиссимуса). Проявилась и определенная переключка времен. Этот идеологический поворот был закреплен тостом И.В. Сталина за здоровье русского народа на приеме в Кремле командующих Красной армией 24 мая 1945 г.³⁵ Но вряд ли сегодня стоит апеллировать к «банкетной» традиции. Тем более что «русский поворот» оказался недолговечным, уступив место идеологической конструкции «единый советский народ».

«Большие смыслы»

1. *Советскость как цивилизация*. В российской историографии (как, впрочем, и на Западе) спектр оценок варьируется от отказа советскому в статусе даже локальной цивилизации до уникальности советской цивилизации³⁶. Впрочем, существуют и более осторожные формулировки, оценивающие советскость как «проект цивилизации, формально очерченной и обособленной от другой (западной), но в основном посредством запретов и отрицаний»³⁷.

2. *Советскость как форма наднациональной идентичности*. Одни исследователи считают, что складыванию наднациональной идентичности препятствовало отсутствие у народов СССР, связанных общей идеологией, «общего религиозного прошлого и общего религиозного настоящего»³⁸. Но есть аргументы в пользу уникальности советской социокультурной идентичности (советскости), конструируемой властью в качестве надэтнической идентичности, завязанной на политическую лояльность³⁹.

³³ Сомов В.А. Феномен советскости... С. 19.

³⁴ Барбашиш М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 45.

³⁵ Застольные речи Сталина. Документы и материалы / вступ. ст., сост., коммент., прил. д. и. н. В.А. Неvejeина. М.; СПб., 2003. С. 470.

³⁶ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2004.

³⁷ Скоробогачкая Н.А., Скоробогачкий В.В. Советское... С. 52.

³⁸ Померанц Г. Выход из трансa. М., 1995. С. 235.

³⁹ Попов М.Е. Антропология советскости: Философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. 2004.

3. *Советскость как набор ценностей или антиценностей.* Чаще всего в литературе встречается попытка выделить доминирующую ценностную составляющую (например, стабильность или обоснование действий великой целью) или выстроить иерархию ценностных установок – работа важнее денег, духовное важнее материального и т. п. Но советскость по-разному воспринималась людьми разных поколений и социальных групп. Еще до легитимизации термина «советский патриотизм» в годы Великой Отечественной войны сквозь ценности интернационализма пробируют дорогу ценности патриотизма.

Многие представители послевоенного поколения оставались носителями «настоящих» (с позиций довоенных поколений) советских ценностей во многом формально⁴⁰. Для других советский человек предстает как совокупность скорее антиценностей – внерелигиозного отношения к жизни; убежденности в своем превосходстве в сочетании с ощущением собственной неполноценности; стремлении решать проблемы насилием; деления мира на «мы» и «они»⁴¹. Но чаще всего «совок» предстает сложным переплетением ценностей и антиценностей, где политический инфантилизм, эгалитаризм, иждивенчество и идейная нетерпимость соседствуют с верой в «светлое будущее», любовью к Родине, самоотречением и христианским долго-терпением⁴². И в таком подходе заложено рациональное зерно.

4. *Советскость как особый культурный код.* Двусмысленность советского культурного кода объясняется его зарождением на пересечении деревенской и городской культур. В силу этого, с одной стороны, он представляет утопический образ желаемого будущего, а с другой, несет установку на аннигиляцию предшествующей реальности⁴³. То есть и в этом подходе мы видим признание двойственной природы советскости.

5. *Советскость как поведенческий комплекс.* Советскость рассматривается также как самовоспроизводящийся поведенческий комплекс человека, который во многом определялся характером советской повседневности – условиями жизни, специфической структурой потребления, новой сексуальной моралью, политизацией досуга и т. п.⁴⁴ В этом плане высокий объяснительный потенциал имеет категория «советская жизнь» как система «бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определенных условиях», как регулируемых, так и возникающих спонтанно. Делается вывод, что советская жизнь обладает устойчивыми признаками, закрепленными в ритуалах и обыденных практиках – от трудовых до досуговых и от предписываемых до отклоняющихся⁴⁵.

Выводы

Рассмотренные историографические подходы показывают, что понимание феномена «советскости» может быть основано на следующих принципах: междисциплинарности, поиске «больших смыслов», признании двуединой природы советскости и «прозрачности» границ между советским и постсоветским хронотопами. Мы видим, что исторические (советская жизнь), социологические (советское общество) и антропологические (советский человек) измерения феномена «советскости»

⁴⁰ Сомов В.А. Феномен советскости... С. 18, 19.

⁴¹ Выжуртович В. Мы такие же, как все // Российская газета. 2013. 22 января.

⁴² Килин А.П. «Ното economicus»... С. 237–268; Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 10; Поршинева О.С. Сознание и поведение человека... С. 237.

⁴³ Скоробогачук Н.А., Скоробогачук В.В. Советское... С. 33–34, 47, 55.

⁴⁴ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей... С. 10; Поляков Ю.А. Человек в повседневности. Исторические аспекты // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 127.

⁴⁵ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь... С. 882, 885.

формируют исследовательское пространство, заполненное разными теоретическими и методологическими подходами, многообразием признаков «советскости» и нередко диаметрально противоположными их оценками, из которых наиболее перспективной является идея двойственной природы советскости. В определенной мере подобная «разноголосица» связана с характером вовлекаемых в объяснительные модели источников. Очередной историографический поворот в изучении феномена советскости может быть связан с расширением источниковой базы и прежде всего за счет массовых источников личного происхождения, таких, как, например, письма во власть, которые позволяют уточнить процесс утверждения новых советских ценностей и, соответственно, верифицировать теоретические и методологические основания современных исследований. Это позволяет относиться к феномену советскости не только как к идеологическому конструкту или способу манипуляции властными решениями, но и как к маркеру новой идентичности.

Поступила в редакцию / Submitted: 31.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.08.2022

References

- Abramov, R.N. “Muzeefikatsiya sovetskogo. Istoricheskaia travma ili nostalgii?” *Chelovek*, no. 5 (2013): 99–111 (in Russian).
- Barbashin, M.Yu. “Sovetskaia identichnost’ v etnosotsial’nom prostranstve: institutsional’nye osobennosti.” *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 7 (2012): 45–50 (in Russian).
- Chernyavskaya, Yu.V. “Na rendez-vous s epokhoi: sovetskii intelligent v poiskakh identichnosti.” *Chelovek*, no. 5 (2007): 25–43 (in Russian).
- Fokina, A.A. “Relikty i simuliakry sovetskogo v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve.” *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1/2 (2016): 64–73 (in Russian).
- Glebkin, V.V. *Ritual v sovetskoi kul’ture*. Moscow: Yanus-K Publ., 1998 (in Russian).
- Guboglo, M.N. “Kontsept «sovetskosti» v etnologo-antropologicheskom kontekste.” *Vestnik antropologii*, no. 3 (2017): 204–221 (in Russian).
- Gurova, O.Yu. *Sovetskoe nizhnee bel’yo: mezhdru ideologii i povsednevnyy’yu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008 (in Russian).
- Ivanova, A.S. *Magaziny ‘Beryozka’. Paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017 (in Russian).
- Kara-Murza, S.G. *Sovetskaia tsivilizatsiia. Ot Velikoi Pobedy do nashikh dnei*. Moscow: Eksmo Publ.; Algoritm Publ., 2004 (in Russian).
- Kilin, A.P. “«Homo economicus» & «homo soveticus»: praktiki ekonomicheskogo povedeniia sovetskogo cheloveka.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 237–268. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Kozlova, N.N. *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii*. Moscow: Evropa Publ., 2005 (in Russian).
- Lebina, N. *Entsiklopediia banal’nostei: Sovetskaia povsednevnyy’: Kontury, simvol’y, znaki*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2006 (in Russian).
- Lisina, E.A. “Ritual v post-traditsii: na primere sovetskoi kontseptsii obryadnosti.” *Kontekst i refleksiia: filosofiiia o mire i cheloveke* 6, no. 1A (2017): 215–220 (in Russian).
- Livshin, A.Ya., Orlov, I.B., and Khlevnyuk, O.V., eds. *Pis’ma vo vlast’. 1928–1939: Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pis’ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdiam*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Lovell, S. “Dosug v Rossii: ‘svobodnoe’ vremia i ego ispol’zovanie.” *Antropologicheskii forum*, no. 2 (2005): 136–173 (in Russian).
- Matveeva, Yu.V. “Vvedenie.” In *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra*, 11–17. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2021 (in Russian).
- Mazur, L.N. “«Chelovek sovetskii» kak rezul’tat sotsial’nogo inzhiniringa.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi*

- proekt, 1917–1930-e gg.*, 180–188. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Mazur, L.N. “Sotsial’nye transformatsii v otrazhenii sovetskogo kinematografa 1917–1930-kh gg.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 364–377. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Nevezhina, V.A., ed. *Zastol’nye rechi Stalina. Dokumenty i materialy*. Moscow: AIRO-XX Publ.; St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Pivovarov, Yu.S. “... I v razvalinakh vek’.” *Polis*, no. 6 (2011): 52–77 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A. “Chelovek v povsednevnosti. Istoricheskie aspekty.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2000): 125–132 (in Russian).
- Pomeranets, G. *Vykhod iz transa*. Moscow: Yurist Publ., 1995 (in Russian).
- Popov, M.E. “Antropologiya sovetskosti: Filosofskii analiz.” PhD diss. in Philosophy, Stavropol State University, 2004 (in Russian).
- Popov, M.E. “Metamorfozy nadetnicheskoi identichnosti: sovetskost’, etnichnost’ i rossiiskaya grazhdanskaya natsiya.” In *Natsional’naya identichnost’ Rossii i demograficheskii krizis*, 607–617. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ., 2007 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “«Novyi chelovek» kak fenomen sovetskogo proekta industrial’nogo razvitiia (1920 – nachalo 30-kh gg.)” In *Industrial’noe razvitie regiona i mira: istoriia i sovremennost’: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, 231–240. Yekaterinburg: LLC Izdatel’stvo UMTS UPI Publ., 2019 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Soznanie i povedenie cheloveka rannesovetskogo obshchestva: predposylki, etapy, kharakter transformatsii.” In Mazur, L.N., Gorbacheva, O.V. eds. *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik statei*, 372–382. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2018 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Soznanie i povedenie cheloveka v postrevolyutsionnuyu epokhu: etapy, kharakter, rezul’taty transformatsii.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 207–237. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Porshneva, O.V. “Formirovanie «cheloveka sovetskogo»: evolyutsiia teoreticheskikh podkhodov bol’shevistskogo rukovodstva (1900–1930-e gody).” In *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra: monografiya*, 32–49. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2021 (in Russian).
- Rozhkov, A.Yu. “Vizual’nye obrazy «sovetskosti» v shkol’nom bukvarе 1927–1932 gg.: kontent, struktura, dinamika.” In *Vestnik PSTGU*, no. 45 (2017): 57–72 (in Russian).
- Ryzhkova, O.V. “Vizual’nye obrazy «sovetskosti» v detskom zhurnale «Murzilka» 1920–1930-x godov.” *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii. Sbornik nauchnykh trudov*, 98–103. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2018 (in Russian).
- Shanin, T. “Istorii pokolenii i pokolencheskaia istoriia.” In *A generational analysis of contemporary Russia*, 17–38. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005 (in Russian).
- Skorobogaczkaia, N.A., and Skorobogaczkiy, V.V. “Sovetskoe: istoriko-kul’turnyi kontekst fenomena.” *Antinomii* 20, no. 2 (2020): 33–74 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>
- Smolina, N.S. “Tema «sovetskogo» v sotsial’no-filosofskom diskurse 2000-kh: problematizatsiia kollektivnoi identichnosti na postsovetskom prostranstve.” *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 97 (2009): 154–161 (in Russian).
- Soloshchenko, N.V. “Konstruirovanie «novogo rabochego» v gody pervykh piatiletok (kontent-analiz materialov fabrichnykh mnogotirazhek).” In *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg, 25–26 sentyabrya 2019 g.*, 94–99. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Somov, V.A. “Fenomen sovetskosti: istoriko-kul’turnyi aspekt.” *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2 (2015): 12–20 (in Russian).
- Timofeev, M. “Znaki «sovetskosti» v sovremennoi Rossii: semantika, sintaktika i pragmatika.” In *Mikhail Yur’evich Timofeev*, 2022, August 1, <http://timland.narod.ru/nation/sovietica.htm> (in Russian).
- Timofeev, M.Yu. “Psevdosovetskii obshchepit kak imperiya znakov: sistemno-semioticheskii analiz. Ch. I. Artefakty.” *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5 (2012): 39–51 (in Russian).
- Vyzhutovich, V. “My takie zhe, kak vse.” *Rossiiskaia gazeta*. January 22, 2013, <https://rg.ru/2013/01/22/pivovarov.html> (in Russian).

Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos`*. *Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014 (in Russian).

Zhuravlyov, S.V., and Gronov, Yu. *Moda po planu: istoriia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR, 1917–1991 gg.* Moscow: IRI RAN Publ., 2013 (in Russian).

Zinov'ev, A.A. *Faktor ponimaniia*. Moscow: Algoritm Publ., 2006 (in Russian).

Zubkova, E.Yu. "Sovetskaia zhizn` kak predmet istoricheskoi rekonstruktsii." *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 90, no. 9 (2020): 882–890 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320090091>

Информация об авторе / Information about the author

Игорь Борисович Орлов, д-р. истор. наук, профессор, заместитель руководителя департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11; IOrlov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

Igor B. Orlov, Dr. Habil. Hist., Professor, Deputy Head of the Department of Politics and Management, National Research University Higher School of Economics; 11, Pokrovskiy Bul'var, Moscow, 109028, Russia; IOrlov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>